Веневитиновы — известный дворянский род Воронежского края. Все его представители служили верой и правдой царю, обществу, своей родине. Служба ли в доблестной армии, гражданская ли служба, общественная ли деятельность, а может, и служение своей семье, своим идеалам всегда составляли смысл жизни этой семьи. Для каждого из них предмет служения был разным, но в том деле, которое считалось ими главным, они раскрылись как личности. К сожалению, не обо всех из них сохранились исчерпывающие биографии, много остается пробелов, а о ком-то история оставила всего несколько строк или упоминаний.

Мы постараемся показать вклад трех известных личностей рода Веневитиновых второй половины XVIII — середины XIX вв. В целом это важный период для нашей страны: от блистательного века Екатерины II до эпохи перемен Александра II. Вся эпоха просматривается через призму одной дворянской семьи, члены которой стали участниками многих ключевых событий этого времени. Кроме того, расцвет усадьбы Новоживотинное приходится именно на данный период, а значит напрямую связан с ее хозяевами и строителями.

ПЕТР АНКИНДИНОВИЧ ВЕНЕВИТИНОВ (05.10.1738 — 19.12.1799)

Петр Анкиндинович Веневитинов — один из известнейших представителей знатного дворянского рода, при нем произошли многочисленные изменения в имениях, принадлежавших семье, в частности, перестроен усадебный дом в Новоживотинном и построено здание в Русской Гвоздевке, но особенно важно — при нем Веневитиновы были занесены в шестую часть Родословной книги российского дворянства. При этом биографические сведения о П.А. Веневитинове весьма отрывочны, основным источником служит дело на Дворянское достоинство Веневитиновых, другие же лишь немного дополняют известные факты биографии.

5 октября 1738 года у майора Анкиндина Фаддеевича и его законной жены Анны Львовны (девичья фамилия неизвестна) в селе Вознесенском Болховского

уезда[1] (вероятно, место службы отца) родился их первенец — сын Петр, которому суждено было стать одним из наследников богатого состояния Веневитиновых. Сразу после рождения сына семья переехала в Животинское имение. Его отцом был организован придел к сельской церкви в честь сыновей Петра, Ионы и Алексея. В иконостасе этого придела, выполненного в серебряной позлащенной ризе, имелась надпись: «Этот образ устроен здешним помещиком Фаддеем Веневитиновым в благодарность Богу за дарование ему внука Петра Анкиндинова, родившегося в 1738 году, октября 5-го дня»[2].

1747 год в семье Веневитиновых стал трагическим: умер глава семьи Фаддей Антонович (ок. 1674–1747) и два его сына — Борис (?–1747) и Анкиндин (1709–1747). О причинах смерти доподлинных сообщений нет, что вызвало ряд предположений, но фактического обоснования ни одной из них пока нет.

В деле на Дворянское достоинство присутствует копия документа, датированного 12 октября 1747 года о наследовании недвижимого имущества. «В Военную коллегию обратилась Анна Львовна, жена майора Анкиндина Фаддеевича Веневитинова да сын ее недоросль Петр Анкиндинович в том, что за прапрадедом Петровым Лаврентием Герасимовичем, прадедом Антоном Лаврентьевичем, дедом Фаддеем Антоновичем, за отцом Анкиндином Фаддеевичем имеется недвижимое имущество в Воронежском уезде в разных станах, селениях, деревнях и пустошах, а также четвертные владения — на все то есть в вотчинной коллегии и в наказных книгах и по купчим от разных продавцов. В прошлом 1747 г. в разных месяцах не стало Фаддея Антоновича и его сыновей Бориса и Анкиндина. Наследники, вдова Анкиндина Анна Львовна, Петр с братьями Алексеем и Ионой, а также их сестра Анна, вдова Бориса Анкиндиновича Агафья Карниловна с дочерьми Дарьей и Настасьей, вдова Фаддея Антоновича Авдотья Игнатьевна»[3].

Землевладение Веневитиновых составляло 1946 четвертей с осьминою (973 десятины с осьминою). Из них 292 четверти (146 десятин) без полуосьмины было выделено вдове Фаддея Авдотье Игнатьевне. А оставшаяся часть (1654 четверти с полуосьминою, т.е. 827 десятин) досталась наследникам Анкиндина Фаддеевича и Бориса Фаддеевича. Вдове Анкиндина Анне Львовне досталось 124 четверти (62 десятины), а 737 с четвертиною детям — Петру, Алексею, Ионе и Анне поровну (по 124 четверти, т.е. по 117 десятин). Вдова Бориса Анкиндиновича разделила свою часть наследства с дочерьми Анастасией и Дарьей. Их доля наследства была такой же, как и доля наследников Анкиндина[4].

В момент составления его Петру было 9 лет, а в 16 лет он начал службу в лейб-гвардии Семеновском полку. Здесь же служил его младший брат Алексей (1746–17.02.1797). Через 10 лет после начала службы, в 1764 году, был пожалован в аудиторы того же полка, в 1765 году произведен в чин подпоручика, спустя три года, в 1768 году — в гвардии подпоручики, а спустя короткое время по состоянию здоровья уволен в отставку в звании секунд-майора. Принимал участие в Семилетней войне (1756–1763). «Во время продолжения службы поступал, как честному, послушному и храброму солдату и искусному офицеру надлежит»[5].

После выхода в отставку Петр Анкиндинович занялся обустройством своих имений. Еще незадолго до окончания его службы, в 1767 году произошел окончательный раздел между владельцами поместий[6]. Центром усадеб, принадлежавших Петру Анкиндиновичу, стали села Русская Гвоздевка и Новоживотинное, а Алексею Анкиндиновичу — село Горожанка.

Но Петр впервые упоминается живущим в Новоживотинном только в 1788 году. Ранее, в 1770-х годах, его потомство рождалось в другой усадьбе — в Русской Гвоздевке (Благовещенском). Значит, вероятнее всего, там и поселился секунд-майор сразу после службы[7].

При Петре Анкиндиновиче в 1773 году был построен усадебный дом и церковь

в с. Русская Гвоздевка. Церковь была освящена в честь Благовещения Пресвятой Богородицы, что дало селу второе название[8].

Через несколько лет, в 1780 году, в Новоживотинном завершается сооружение нового, но уже каменного храма: опять во имя Архистратига Михаила — на средства Анны Львовны Веневитиновой (во втором браке Лихаревой), матери Петра[9]. Церковь поставили с юго-восточной стороны от дома, на более удобном месте. Одновременно со строительством храма произошла перестройка усадебного дома, по окончании стройки его семья перебралась из Русской Гвоздевки в Новоживотинное, возвратившись в свое более старое родовое гнездо и приблизившись к удобному Московскому тракту. В это время усадебный дом Веневитиновых преобразился, стал больше. А во внешнем оформлении чувствовалось веяние моды того времени — стиль барокко[10].

Параллельно с обустройством своих имений в 1883-1785 годах Петр Анкиндинович занимался общественной деятельностью в качестве губернского предводителя дворянства[11].

Петр Веневитинов связал свою судьбу с представительницей воронежского дворянского рода Лосевых — Евдокией (Авдотьей) Алексеевной (27.07.1744 или 1745–18.02.1793), дочери статского советника Алексея Семеновича Лосева[12]. Бог благословил их брак четырьмя сыновьями и двумя дочерьми: Алексей родился в 1771 г. в Москве, Василий — в Русской Гвоздевке в 1775 г., Павел — очевидно, там же (год неизвестен). И отец поэта Владимир Петрович (1777–1814)[13], как точно зафиксировано в документах, появился на свет именно в Русской Гвоздевке — 20 июля 1777 г.; крестили его там же в приусадебной церкви 22 июля[14]. Рано умерли Василий с Павлом и дочь Мария (3.08.1771–6.11.1796). Другой дочери, Елизавете (1770 — 1 августа 1793), в 1789 году качестве приданного отошла часть села Староживотинное (она вышла за Н.Г. Оленина, подробнее об этом ниже). Вполне очевидно, что двое оставшихся братьев, Алексей и Владимир, получили бы почти равноценное хорошее наследство — Гвоздевку и Новоживотинное. Но опять случилось горе: Алексей (20.02.1771–6.05.1793) умер совсем молодым, и усадьба Благовещенское оказалась также во владении Владимира Петровича.

Веневитиновы были рачительными хозяевами. Евдокия (Авдотья) Алексеевна активно помогала мужу в хозяйственных делах. В частности занималась решением вопроса содержания кормчества. В ГАВО хранится документ «Дело по прошению помещицы с. Благовещенского Землянской округи Авдотьи Алексеевны, дочери статского советника Лосева Алексея Семеновича и жены Веневитинова Петра Анкиндиновича, о наложении на ее крестьян штрафа за недосмотр кормчества однодворцев с. Русская Гвоздевка Воронежской округи Щербининых» (декабрь 1786 – январь 1787гг.)[15] Документ свидетельствует о развитии винокурения в одной из усадеб Веневитиновых. Как пишет П. Попов, в усадьбе Староживотинного развивалось аналогичное производство: «Веневитиновы справедливо предпочли винокурение суконному производству. В то время помещики часто организовывали производство вина в лесной местности, дабы использовать не только продукты сельского хозяйства, но и дары болотистых урочищ — ягоды, травы. Вероятно, плотину у Животинного ключа навели потому, что для заводского дела требовалось много воды»[16].

Как уже было сказано выше, Елизавета Петровна, выйдя замуж за Никанора Григорьевича Оленина, в качестве приданого получила часть села Староживотинное. На этом факте хочется остановиться подробнее. Ранее считалось, что именно с этого момента село и оказалось во владении Олениных. При этом возникала удивительная загадка и путаница, на которую в частности обращает внимание историк-краевед П.А. Попов. По воспоминаниям П.И. Шереметева о захоронении в селе Староживотинное первой супруги Никанора Григорьевича — Марии Нико-

А.В. Веневитинов

лаевны (урожденной Давыдовой), она скончалась в Воронеже, там же была захоронена, а в 1890 году ее прах был перенесен в родовое имение его второй жены! Как пишет Шереметев: «Над могилой Марии была высечена обширная стихотворная эпитафия, в том числе такие строки убитого горем супруга: «Была! Но в мертвых днесь в сем месте почивает и жалоб мужниных, и слез не ощущает. Тебя, мой верный друг, любить не перестану. Никанор Оленин». Удивительная загадка, и до недавнего времени объяснения ей не было найдено[17].

Но, как оказалось, есть очень простое объяснение и ключ в документе 1750 года — «Купчей на землю села Староживотинного Воронежского уезда между женой дворянина Акима Ивановича Стерликова (продавец) и князем Лукой Ив. Долгоруковым (покупатель)», который хранится в рукописном отделе РНБ.

2 апреля 1750 года Федора Романовна (жена Акима Ивановича Стерликова, урожденная Протопопова) продала имение, доставшееся ей по наследству от отца Луке Ивановичу Долгорукову, его жене, детям и наследникам. Прежние владельцы: Павел Федосеевич Протопопов, Родион Павлович Протопопов, Роман Родионович Протопопов. Павлу Федосеевичу имение досталось по челобитию его за службу, «землями этими с давних времен завладел Фаддей Веневитинов», вероятно, пока служил. Нынешняя владелица продала землю за 50 рублей, но, как пишет Ф.Р. Стерликова, Веневитиновы (вероятно, вдовы) пытаются доказать право на владение частью земель села Староживотинного, однако это, по ее словам, теперь «не ее забота». В купчей были проставлены подписи свидетелей: села Староживотинного — дьякон Родион Чурбатов, Никон Семенович Артемьев, Землянской канцелярии капеллан, г. Землянска соборной Воскресенской церкви священник Тихон Александрович Мишин. А также указание на выплату всех необходимых пошлин[18].

Другой документ второй четверти XVIII века (удостоверение, выданное на основании царского указа Н.М. Оленину на право владения имением и землей с. Староживотинного) поясняет, что происходило с указанным землевладением в дальнейшем.

Село Староживотинное перешло к Никанору Михайловичу Оленину после смерти его жены Марии Николаевны (урожденной Давыдовой). Ей же оно досталось при разделе наследства с сестрой Ириной в Московском нижнем суде. Ранее оно принадлежало их отцу Николаю Борисовичу Давыдову, а тот в свою очередь получил его в наследство от своего дяди Луки Ивановича Долгорукова. Лука Долгоруков приобрел имение у Ивана Васильевича Зиновьева.

Первым владельцем имения был лейб-гвардии сержант и корабельных дел мастер Федосей Скляев, после смерти которого имение досталось его дочери Наталье, жене Луки Ивановича Долгорукова, по купчей продавшей его капитан-поручику Ивану Васильевичу Зиновьеву, а тот в свою очередь в 1740-е годы продал имение Луке Долгорукову. А далее от Долгорукова перешло в наследство его племяннику Давыдову Николаю Борисовичу, тестю Оленина[19].

Указаны владельцы земли в окрестностях Староживотинного — однодворцы и целый перечень фамилий. А также обозначено, что на территории усадьбы помимо пашни есть лес, луг и два постоялых двора[20]. Кроме того, обозначен усадебный дом, хозяйственные постройки, винный завод, два пруда, кирпичный завод, мельницы[21].

Составлен подробный список крепостных крестьян и дворовых с. Староживотинного (вероятно, список с ревизской сказки). А также указаны владельцы смежных селений — в частности д. Моховатка, которая принадлежала Дарье Борисовне Волковой[22], жене коллежского асессора Федосея Михайловича.[23]

Таким образом, Долгоруковы являлись «собирателями» большой части земель села Староживотинного; они в свое время перешли в собственность к семье Давыдовых, а посредством брака, в качестве приданого Марии Николаевны Давыдовой, достались во владение ее мужа Никанора Оленина. Тот в свою очередь после смерти первой жены женится на Елизавете Петровне Веневитиновой, и в качестве приданного получает еще часть земель указанного села! Так окончательно происходит объединение в одно землевладение территории Староживотинного. И загадка захоронения Марии Николаевны в селе становится разгаданной. Но от этого ситуация не становится менее курьезной и одновременно трагичной. Первая и вторая жены Н. Оленина, принеся ему богатые животинновские земли, не смогли составить его семейное счастье. Обе они умерли, дожив лишь до 23 лет и не оставив после себя потомства.

О частной жизни Петра Веневитинова известно мало, один из эпизодов раскрывает письмо, обнаруженное среди сенаторских бумаг Г. Державина в отделе рукописей Пушкинского дома в Санкт-Петербурге (ИРЛИ РАН). Оно датировано 26 мая 1794 года, отправлено из Москвы Петром Анкиндиновичем Веневитиновым. Петр напоминает Гавриле Романовичу, что они познакомились с ним в доме Дмитрия Федоровича Хвощинского[24] в Тамбове, где тот бывал со своей женой Екатериной Яковлевной[25]. «Осмеливаюсь просить о милости к племяннику Алексею Алексеевичу Веневитинову, который находится в Петербурге по делу о своем имении, часть земли которого было захвачено отставным подпоручиком Ильей Шеншиным»[26]. Были проведены межевания, но Шеншин никак не отступает от намерения завладеть землей. Петр просит оказать содействие Алексею и разобраться в указанном деле по справедливости. Имение находится на реке Хаве в Воронежском наместничестве и уезде — называется Дмитриевское. Степан Ефимович (коллежский асессор) и Илья Афанасьевич Шеншины утверждают, что они якобы приобрели эту земли в количестве 1500 дес. за 150 рублей. Но на самом деле они захватили земли в 1775 году. По словам Петра Анкиндиновича, было проведено межевание (1778 г.) «непорядочно». Веневитинов пытался оспорить межевание — «эти земли исстари принадлежали предкам моим», но проводивший межевание Леонтьев не принял это обстоятельство во внимание. В 1779 году было написано письмо в межевую канцелярию от имени Веневитинова — о присвоении земли Шеншиными под видом покупки. В качестве приложения свидетельские показания владельцев земли из Рождественской Хавы (помещиков и однодворцев). По решению Воронежского наместничества было решено провести очередное межевание, и поручено это землемеру Аксютину. Высказана просьба оказать содействие справедливому межеванию[27]. Судя по тому, что Алексей Алексеевич и его потомки продолжали владеть указанными землями в дальнейшем, Гаврила Романович удовлетворил просьбу П.А. Веневитинова.

В период написания письма Петр Анкиндинович переживал личное горе: смерть дочери Елизаветы, сына Михаила и любимой супруги. Что его еще держало на земле, так это завершение важного дела жизни — составление документов для внесения семьи в Дворянскую родословную книгу.

21 апреля 1785 года Екатериной II была подписана «Жалованная грамота» о создании дворянских депутатских собраний. В ней содержалось предписание о составлении Дворянских родословных книг по губерниям.

Для доказательства дворянских прав грамотой введены, вместо старых родословных книг, дворянские книги шести категорий для каждой губернии. В каждую часть вписывались дворянские роды определенной категории:

1-я часть — роды действительного дворянства, то есть дворяне, пожалованные в потомственное дворянское достоинство императорским дипломом, гербом и печатью. А также дворянство до 100 лет.

2-я часть — роды военного дворянства.

3-я часть — роды «осьмикласнаго дворянства» (т.е. за гражданскую службу).

4-я часть — иностранные роды, то есть иностранцы, приехавшие в Россию, уже имея дворянское достоинство.

5-я часть — титулами отличенные роды, то есть такие, которые имеют «…наследственно или по соизволению коронованной главы название или княжеское, или графское, или баронское, или иное».

6-я часть — древние благородные дворянские роды. «Древние благородные не иные суть, как те роды, коих доказательства дворянского достоинства за сто лет и выше восходят».

Составлялась родословная книга специальной комиссией Дворянского депутатского собрания, состоящей из уездных депутатов во главе с Губернским предводителем дворянства. Комиссия работала на основе алфавитных списков потомственных дворян, представленных Уездными предводителями дворянства, и рассматривала по каждому роду представленные доказательства, на основании которых принималось решение о внесении данного рода в определенную часть Родословной книги. В Родословную книгу вносились только потомственные дворяне. Личные дворяне в Родословную книгу не вносились. На основании свидетельства — Дворянского депутатского собрания — выдавались паспортные книжки.

Петр Анкиндинович сумел предоставить сведения, подтвержденные источниками, о службе нескольких поколений Веневитиновых, начиная с Герасима, и направил свое прошение в феврале 1788 года в Дворянское депутатское собрание[28]. В ноябре того же года состоялось рассмотрение прошения. Неопровержимым доказательством на дворянское достоинство стало доказанное землевладение Веневитиновых, в том числе в предоставленных документах содержались сведения из челобитной его матери Анны Львовны, которая в свою очередь была составлена на основании писцовых книг разных лет[29]. Комиссия сочла предоставленные доказательства убедительными, и было принято решение о внесении Веневитиновых в 6-ю часть родословной книги российского дворянства.

Петр Веневитинов направил прошение в Дворянское депутатское собрание и Геральдическую контору Правительствующего Сената об утверждении герба Веневитиновых[30]. И уже практически перед смертью просителя герб был утвержден. В деле на Дворянское достоинство сохранилось его описание: «Щит разделен перпендикулярно на две части, из коих правая горизонтально разрезанная надвое чертою, имеет голубое поле, в котором изображены вверху золотая Звезда и золотой полумесяц, а внизу серебряная Стрела, летящая диагонально к левому нижнему углу, и под оной на правой стороне положены три пушечных Ядра. В левой части в красном поле виден до половины вылетающий черный Орел с распростертым Крылом.

Щит увенчан дворянскими шлемом и короной. Нашлемник: три страусовых пера. Намет на щите голубой и красный, подложенный золотом. Щит держат с правой стороны Единорог, а с левой Лев»[31]. Герб рода Веневитиновых внесен в часть 4 Общего гербовника дворянских родов Российской империи[32].

19 декабря 1799 года на 62-м году жизни Петр Анкиндинович Веневитинов скончался. Он оставил своему единственному наследнику — сыну Владимиру — образцовое хозяйство усадеб (около 10 тысяч десятин земли, примерно 4000 душ мужского пола), подробную родословную своих предков, доброе имя и репутацию. Сведения о Петре Веневитинове явно недостаточны, остается надеяться, что новые источники смогут пролить свет на различные события его жизни.

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ ВЕНЕВИТИНОВ (2.07.1777 — 11.03.1814)

Владимир Веневитинов, единственный наследник большого состояния, участник Отечественной войны 1812 года, один из строителей усадебного дома Веневитиновых и отец трех известных представителей рода. О Владимире Петровиче мало что известно. В данной статье предпринята попытка собрать воедино немногие сведения о нем из различных источников и литературы и по возможности обозначить направления дальнейших исследований.

Владимир Петрович Веневитинов родился 20 июля 1777 года в усадьбе своего отца в селе Русская Гвоздевка Землянского уезда, крещен 22 июля в Благовещенской церкви того же села[33]. С начала 1790-х годов служил в Преображенском полку, службу нес исправно и доблестно. Такой вывод можно сделать по косвенным данным, сведениям о его наградах, по упоминанию в ряде документов начала XIX века как кавалера[34]. Дальнейшие исследования, основанные на документах, вероятно, смогут пролить свет на этот аспект его биографии. Служба в гвардии требовала огромных затрат, помимо прочего создавала предпосылки для соблазнов. Как пишут А.Н. Акиньшин и О.Г. Ласунский в своей книге «Воронежское дворянство и лицах и судьбах», «подобно всем состоятельным гвардейцам, много кутил, жил на широкую ногу, случалось, проигрывал в карты огромные деньги, благо было что проигрывать. Вскоре, однако, влез в долги, ушел в отставку...»[35] Доказательством этому служат документы, в которых отражены залоги имений Веневитиновых. В частности о залоге части села Благовещенского и деревни Ивановки, доставшихся ему по наследству от матери в 1794 году[36]. В какой-то степени это, наверное, повлияло на здоровье Петра Веневитинова, поведение сына могло спровоцировать его смерть, ведь он всю свою жизнь приумножал и усовершенствовал то, что досталось ему от предков. Владимир же тогда, при жизни отца, еще не мог по-настоящему оценить ценность того, чем владел. Это понимание пришло чуть позже. И несмотря на отдаленность своего жительства, он стремился усовершенствовать свои имения и занимался перестройкой уже существующих строений, в том числе в Новоживотинном.

После выхода в отставку в чине прапорщика 18 апреля 1798 года Владимир Петрович женится на княжне Анне Николаевне Оболенской-Белой (14.01.1782–24.09.1841). Она происходила из рода столбовых дворян, которые вели свое происхождение от Рюриковичей. Кроме того, мать Анны Николаевны, Матрена Семеновна Мусина-Пушкина, в замужестве княгиня Оболенская, была двоюродной бабушкой Александра Сергеевича Пушкина (тем самым через Анну Николаевну семья Веневитиновых породнилась с семьей поэта). Венчание проходило в церкви святого Евпла на Мясницкой улице в Москве. Указанный храм на долгие годы станет приходским для Веневитиновых, в частности в нем впоследствии, 9 февраля 1830 года, венчались дочь Владимира Петровича и Анны Николаевны — Софья и граф Георгий Евграфович Комаровский.

И Владимир Петрович, и его жена Анна Николаевна время от времени навещали Животинное и другие деревни, которыми владели, но основное их жительство было в Москве. В 1803 году Владимир Петрович приобрел два дома в Мясницкой

части Белого города, в Кривоколенном переулке №№ 242 и 243 (сейчас № 3 и 4)[37]. Судя по купчей, дома были приобретены со всеми дворовыми, каменными и деревянными строениями и садом[38]. Невольно возникает вопрос, а на какие средства? Вероятно, женитьба на Анне Николаевне несколько улучшила финансовое положение Владимира Петровича, к тому же семейная жизнь явно пошла ему на пользу, он начал становиться рачительным хозяином.

Дом № 4 находится на первом изгибе Кривоколенного переулка и представлял собой двухэтажный особняк, выполненный в стиле классицизма. Предположительно он был построен в самом начале 1760-х годов (хотя в его основании постройки более старые), так как этот участок в 1759 году купил доктор В.Я. Гевитт за 1500 рублей, а через пять лет он был приобретен графом М.Ф. Апраксиным уже за 7500 рублей. После Апраксина хозяйкой дома становится супруга генерал-майора М.Е. Ласунского — Наталья Федоровна. В 1803 году дом покупает офицер Владимир Петрович Веневитинов, и его наследники владеют домом до 1839 года (он был продан Алексеем Веневитиновым купцу Федору Гольцгауэру).

Другой дом построен в конце XVIII века и тогда был двухэтажным, а угловая его часть, выходившая в переулок, имела зал с ротондой. В начале 1870 года Алексеем Владимировичем Веневитиновым он был продан владельцу соседнего имения Ананову, который значительно перестраивает его.

У четы Веневитиновых родилось пятеро детей: Петр (06.04.1799–25.12.1812), Варвара (7.08.1804–?), Дмитрий (14.09.1805–15.03.1827), Алексей (2.12.1806–14.01.1872), Софья (13.08.1808–13.07.1877), двое из них (Петр и Варвара) умерли в раннем возрасте. Оставшиеся в живых прославили имя своей семьи в разных ипостасях: Дмитрий как поэт, мыслитель, философ, один из создателей «Общества любомудров», Алексей как государственный и общественный деятель, а Софья, выполнив свое главное предназначение, как жена и мать.

Дом Веневитиновых (№ 4, здесь семья проживала постоянно) был хлебосолен и приветлив. Супруга Владимира Петровича, Анна Николаевна, красавица, образованная и утонченная, была страстно увлечена театром, литературой и музыкой. Чудесный уютный особнячок вскоре превратился в светский салон, побывать в котором почитали за честь самые интеллектуальные, яркие люди того времени.

Что касается воронежских имений, то в этот период они превращаются в загородную летнюю резиденцию, куда семья приезжает для отдыха от городской суеты. Несмотря на то, что здесь семья не жила постоянно, хозяевам хотелось превратить это место в благоустроенный уголок, оазис. В начале XIX века была осуществлена перестройка усадебного дома в селе Новоживотинное. Считается, что именно в этот период исчез антресольный этаж и появились боковые галереи с открытыми балконами. В литературе часто фигурировала важная, но загадочная деталь — некий мезонин дома, существовавший в XVIII веке, а затем исчезнувший. В одних случаях утверждается, что сын П.А. Веневитинова, отец поэта, Владимир Петрович, перестроил дом, ликвидировав мезонин выше двух этажей; в других — что мезонин находился над первым этажом и был превращен В.П. Веневитиновым в полноценный второй этаж. Но в основе всех предположений лежит находка архитектора Ю.В. Грачева, сделанная им при обследовании чердака, дословно — остатки «третьего антресольного этажа»[39].

Кроме того, был разбит новый сад, о котором позже вспоминал Дмитрий. «Сады превратились в леса яблонь, вишневых и грушевых деревьев всяких сортов, одним словом, природа тут по-прежнему прекрасна, она одна оправдала мои ожидания, но совершенно не видно следов над нею работы и, говоря аллегорически, искусство заснуло в объятиях лени», — писал Дмитрий Веневитинов своей сестре Софье[40].

1812 год стал годом испытаний для семьи Веневитиновых. Началась война.

«Сердца, ум и глаза устремлены у всех на берега Двины. Только об этом и говорят»[41]. Переписка родственницы А.Волковой и В.И. Ланской, из которой приведен этот отрывок, вводит в атмосферу первого военного лета 1812 года, когда ожидание вестей с Западного фронта ежедневно сменялось скорбью по утратам и новой надеждой. «Спокойствие покинуло наш милый город. Мы живем со дня на день, не зная, что ждет нас впереди. Нынче мы здесь, а завтра будем бог знает где...»[42] В середине августа *«началось бегство египетское»:* дворяне устремились из Москвы в Рязань, Воронеж, Ярославль, Нижний Новгород и другие города, ежедневно выезжало до 1000 карет. Лошадей не хватало.

А.М. Веневитинова

Все же большинство жителей покинуло город лишь в самые последние дни, когда стало ясно, что воодушевление после Бородинской битвы — лишь счастливый миг, и русские войска отступают, и город будет отдан врагу. Утром 2 сентября русские полки прошли через Москву, а следом в пустые московские улицы влилась наполеоновская армия.

Семья Веневитиновых: отец Владимир Петрович и мать Анна Николаевна, урожденная княжна Оболенская, их дети — Петр, Дмитрий, Алексей и Софья — покинули свой московский дом и слились с потоком беженцев. Сначала они направились в усадьбу Оболенских Миндюкино, что находилась невдалеке от Зарайска и принадлежала братьям Анны Николаевны — Николаю и Алексею Оболенским. Оба они принимали участие в войне с Наполеоном, имели ранения[43].

В одном из справочников Владимир Петрович Веневитинов обозначен как участник войны 1812 года. Подтверждающих это документов не обнаружено. А среди воронежцев, участников войны 1812 года, его имя не значится[44]. Вероятно, он мог принимать участие в военных событиях еще до оставления Москвы. Этот вопрос требует детального изучения. Но, несомненно, он был причастен к тому грандиозному патриотическому подъему, который в 1812 году охватил все русское общество.

В это время в Москве полными хозяевами почувствовали себя солдаты и офицеры французской армии. В доме Веневитиновых находилась ставка французского генерал-лейтенанта Нейвевиля (Neuveville)[45]. Может, это и спасло дом от разграбления и уничтожения.

Веневитиновых, находившихся в селе Новоживотинное, постигла утрата: 25 декабря 1812 года в возрасте 13 лет скончался старший сын Владимира Петровича и Анны Николаевны — Петр. Его похоронили рядом с Архангельской церковью села Новоживотинного. Семья тяжело переживала это горе, находиться здесь было особенно трудно, и как только опасность миновала, в 1813 году Веневитиновы поспешили покинуть воронежские земли.[46] Это было последнее посещение Владимиром Петровичем и Анной Николаевной своих воронежских усадеб.

Не успела семья оправиться от одной утраты, как обрушилась новая беда — 11 марта 1814 году скоропостижно скончался Владимир Петрович, отпевали его в Тихвинской церкви, что в Сущеве, а похоронили на кладбище Донского монас-

тыря[47]. Жизнь его оказалась недолгой, как и у многих родственников. За свои годы он продолжил себя в детях, обустроил и перестроил усадебный дом в Новоживотинном, посадил прекрасный сад. Достаточно ли этого для того, чтобы имя его помнили потомки и исследователи? Безусловно. В жизни ничего не проходит даром, и жизнь Владимира Веневитинова в том числе…

АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ВЕНЕВИТИНОВ (2.12.1806 — 14.01.1872)

Алексей Владимирович Веневитинов — младший сын Владимира Петровича и Анны Николаевны Оболенской, известный государственный и общественный деятель XIX века. До недавнего времени о нем мало что было известно, он находился в тени рано ушедшего брата Дмитрия, а также своего сына Михаила. А между тем деятельность его была масштабна и значительна, в нем удивительным образом сочеталось творческое начало, хорошие организаторские способности и блестящие знания. Благодаря всему этому он смог достичь невероятных высот в карьере, в том числе занять важные придворные должности и максимально приблизиться к императорской фамилии, таким образом, спустя чуть больше 100 лет, после Антона и Фаддея, Веневитиновы вновь заявили о себе в масштабах всей страны…

Алексей Владимирович Веневитинов родился 2 декабря 1806 года в Москве, в доме своих родителей. 11 декабря его крестили в Архангельском приделе церкви Святого Евпла. Восприемниками были старший брат Петр Владимирович Веневитинов и сестра бабушки Дарья Алексеевна Шатилова[48].

Алексей, как и его брат Дмитрий, получил прекрасное домашнее образование, затем поступил вольнослушателем в Московский университет, стал «архивным юношей», и уже в феврале 1825 года, начав на службу в Московском архиве Министерства иностранных дел, стал членом Общества любомудров. Писал ли он стихи, статьи? Думается, что, скорее всего, да. Но будучи скромным человеком, он не показывал своих произведений друзьям, и лишь брат мог знать о них. С Дмитрием они были неразлучны и очень близки вплоть до осени 1826 года, когда тот покинул Москву… В это время состоялось «второе знакомство» с А.С. Пушкиным, который приходился им четвероюродным братом. Начало было положено критической статьей Дмитрия Веневитинова на первую песнь «Евгения Онегина». С Александром Сергеевичем Веневитиновых связывали не только дальние родственные связи, но и крепкие дружеские отношения. В сентябре и октябре 1826 года в доме Веневитиновых Пушкин читал «Бориса Годунова».

Последнее общее дело братьев — это журнал «Московский вестник». В октябре 1826 года было принято решение об его издании. 24 октября 1826 Пушкин и братья Веневитиновы отметили это событие на обеде у А.С. Хомякова. Журнал стал выходить с начала 1827 года под наблюдением коллективной редакции и под официальной ответственностью М.П. Погодина. Дмитрий Веневитинов стал его идейным вдохновителем, а Алексей — участником издания.

Смерть брата стала ударом для Алексея — ведь с самого детства они были продолжением друг друга, не просто братьями, а лучшими друзьями. Не случайно в одном из писем в конце декабря 1826 — начале января 1827 года Дмитрий пишет: «Обедаю за общим столом у Andrieux. Там собираются говоруны и умники Петербурга. Я, разумеется, молчу, и нужно прибавить, что я стал очень молчалив, с тех пор, как тебя оставил»[49].

Алексей Владимирович внес важную лепту в увековечение имени поэта Дмитрия Веневитинова, подготовке изданий его произведений. Имя его помнили в семье всегда, впоследствии старший сын Михаил дал второе рождение наследию своего дяди, на основании тех материалов, которые сохранил отец.

Сам же он выбрал не путь творчества, а путь служения обществу, своей стране. Работая с полной самоотдачей, Алексей Веневитинов быстро двигался по служебной лестнице.

Прослужив в архиве до 4 декабря 1829 года, Веневитинов переселился в Петербург, перейдя «для особых поручений» в Министерство внутренних дел; по этому поводу А.Я. Булгаков писал брату: «Из нашего Архива разбегаются все. Веневитинова, малого отличного, завербовал Закревский к себе, — вот и другая жемчужина, князь Мещерский тоже выходит»[50]. В 1831 году он произведен в титулярные советники и продолжил службу в Министерстве внутренних дел. В 1834 году становится коллежским асессором. В 1834–1835 годах исполнил еще две командировки по продовольственным вопросам, а 22 мая 1836 года прикомандирован был к V Отделению собственной Его Величества канцелярии, к П.Д. Киселеву, по представлению которого в июне того же года был командирован для обследования государственных имуществ Курской губернии и, вернувшись, представил Киселеву донесение о поездке[51]. По поводу последнего Пушкин в конце декабря 1836 года писал своему отцу (троюродному брату матери Веневитинова — Анны Николаевны)[52]: «Веневитинов a présenté son rapport sur l'état du gouvernement de Koursk. L'Empereur en a été frappé et s'est beaucoup informé de Веневитинов; il a dit à je ne sais pas qui: faites-moi faire sa connaissance la première fois que nous nous trouverons ensemble. Voilà une carrière faite»[53].

Карьера была стремительной: в 1836 году Алексей был пожалован в надворные советники, служба продолжалась сначала в Межевой комиссии, затем в комиссии кадастра, он занимался вопросами межевания земли и земскими повинностями, в 1842 году произведен в статские советники, в 1846-м — в действительные статские советники. В июне 1850 года назначен членом Совета Министерства внутренних дел, в 1853-м назначен товарищем министра уделов, в апреле 1854-го произведен в тайные советники и стал сенатором. В конце ноября 1856 года назначен к присутствию в I Отделении III Департамента Правительствующего сената, а ровно через год — к присутствию в Департаменте герольдии сената.[54] Присутствуя в разных Департаментах Сената, он в 1866 году получил звание обершенка[55].

Успешно складывалась и придворная карьера Алексея Владимировича. 10 августа 1842 года он пожалован в камергеры двора Его Императорского Величества, а в 1856 году — в гофмейстеры[56]. При дворе Алексей встретил и свою судьбу — фрейлину императрицы — Аполлинарию Михайловну Виельгорскую.

13 февраля 1843 года в Петербурге состоялась свадьба Алексея и Аполлинарии. Вот как описывал свадьбу французский художник Орас Верне: «Вся церемония продолжалась один час. После благословения все общество перешло в апартаменты, где каждому подали по большому бокалу шампанского. И мужчины, и женщины должны были выпить вино до дна. По обычаю, для счастливого супружества надобно опорожнить не менее двух бутылок. После сего император, исполнявший роль посаженого отца, поехал с иконами вперед, к дому новобрачных, а за ним последовал и весь кортеж. Государь уже ждал молодых у дверей, и они, прежде чем войти, простерлись перед ним ниц. Затем опять подали шампанское, и все раздавали кульки с конфетами, мороженым и проч. Вот в чем, собственно, и состояла свадебная церемония»[57].

25 февраля 1844 года у молодой пары родился первенец Михаил, крестили его в соборе Зимнего дворца 4 марта 1844 года. Восприемниками стали ее Императорское высочество Великая княгиня Мария Николаевна и почетный опекун, гофмейстер, тайный советник Михаил Юрьевич Виельгорский[58].

Мария Николаевна и Аполлинария Михайловна были дружны еще с ранней юности. Возможно, это в какой-то степени повлияло на последующее обстоятель-

Неизвестный художник. А.Н. Веневитинова с детьми Алексеем, Дмитрием и Софией. *Не ранее 1812 г.*

ство, которое еще больше сблизило Веневитиновых с императорским домом. В 1852 году, когда Великая княгиня Мария Николаевна (в замужестве Лейхтенбергская) овдовела, Алексей Владимирович Веневитинов Высочайшим указом был назначен членом учрежденной Комиссии об опеке над семью детьми Ее Императорского высочества.

За время службы Алексей Владимирович получил следующие награды: ордена Св. Владимира IV степени, Св. Станислава I степени, Св. Анны I степени, украшенный императорской короной, Св. Михаила Большого креста, медаль в память войны 1853–1856 гг., знаки отличия беспорочной службы за 15, 20, 25 лет, а также пожалован бриллиантовой табакеркой с портретом Его Императорского Величества.

Помимо политической и придворной службы, Алексей Веневитинов проявлял активность и в общественной деятельности: являлся почетным опекуном, управлял Родовспомогательными заведениями и Санкт-Петербургской сохраненною казною и сберегательною кассою[59].

В 1861 году Веневитинов был одним из распорядителей праздника в честь пятидесятилетия литературной деятельности кн. П.А. Вяземского[60], состоял членом Комитета Общества Поощрения Художеств[61] и членом Литературного Фонда (с апреля 1868 г.) и умел группировать в своем доме представителей литературы и искусства, которые ежедневно собирались у него в кабинете. Довольно красочное описание дома А.В. и А.М. Веневитиновых конца 50–60-х годов дано в «Воспоминаниях» К.Ф. Головина[62].

Алексей Веневитинов принимал участие в разработке крестьянской реформы — в ГАРФ сохранилась Записка с замечаниями на проект Редакционной комиссии по крестьянской реформе (на немецком языке), датированная 10 декабря 1860 года[63].

А также состоял в комиссии по делу опеки по строительству храма Христа Спасителя — что явствует из его переписки с Г.В. Есиповым[64]. Совещания проходили в СПб на Фонтанке, в доме гр. В.Ф. Клеймо. По письмам мы узнаем даты двух совещаний: 24 января 1854 г., 18 августа 1854 г. Позже А.В. Веневитинов и Г.В. Есипов поддерживали переписку уже не по долгу службы, а дружески. В частности А.Веневитинов выступал цензором произведения о Меншикове.

Помимо столичных забот и занятий А.В. Веневитинов участвовал и в общественной жизни Воронежской губернии. В частности он являлся учредителем губернской библиотеки в 1864 году. Также участвовал он и в важных событиях других регионов, например, в установке памятника Карамзину в Симбирске в 1830 г. И даже являлся почетным мировым судьей в Саратовской губернии.

Остается лишь удивляться, как на всю эту масштабную деятельность у А.В. Веневитинова хватало времени! При этом не чуждо ему было и творчество.

С юных лет, вращаясь в кругу лучших представителей московской интеллигенции, литераторов и ученых, Веневитинов воспринял на себя часть тех симпатий, которые у всех вызывал его столь безвременно умерший брат-поэт. Он был знаком, близок и дружен с Вяземским, кн. В. Одоевским, кн. З. Волконской, Погодиным, Н.Мельгуновым, Языковым, Хомяковым, Шевыревым, И.Киреевским,

Кошелевым, Жуковским, А.И. Тургеневым, Плетневым, Гоголем, Тютчевым и т.д. и т.п., был близок к редакции «Московского Вестника», а позже — «Московского Наблюдателя».

Из переписки с Погодиным ясно видна роль А.Веневитинова в издании некоторых его произведений, например, «Статистики» в 1831 году. Об этом упоминается в переписке М.П. Погодина[65]. А также в книге Н.П. Барсукова «Жизнь и труды М.П. Погодина»[66]. Близко Алексей продолжал общаться и с Пушкиным. 26 декабря 1826 года Алексей Веневитинов и Александр Пушкин побывали на салоне З.А. Волконской, где состоялся прощальный вечер с уезжающей в Сибирь М.Н. Волконской. (Об этом Алексей написал в своем дневнике, который позже был издан в журнале «Русская старина» его сыном М.А. Веневитиновым.) В примечании указано: «Этот рассказ был записан участником вечера, лицом, довольно близким к княгине З.А. Волконской, и, без сомнения, под живым впечатлением вечера. Это, вероятно, страницы из дневника, несколько листов разорваны на клочки — а М.А. Веневитиновым собраны и восстановлены[67].

Сам А.В. Веневитинов сохранил рукопись В.А. Поленова «Об отправлении Брауншвейхской фамилии из России», она была напечатана в сокращении в 1837 году. Ценность рукописи заключается в том, что в ней помещены силуэты представителей династии, сделанные Карлом Бошняковым; кроме того, здесь содержится больше материалов в сравнении с печатной версией. Рукопись «изящно переписанная, золотообразная… очевидно, подносной экземпляр…» Обнаружен документ был М.А. Веневитиновым в архиве своего покойного отца[68]. Будучи свидетелем многих важных событий, Алексей Веневитинов записывал их. Но при жизни ничего из написанного им не было опубликовано. То ли Алексей не хотел вольно или невольно сравнения с братом, то ли написанное им могло повредить карьере.

Алексей Веневитинов известен также как художник-любитель. В 1850-е годы он создал серию рисунков села Новоживотинного с видами усадьбы и села того времени. На них изображена Архангельская церковь, кузня на речном берегу, мост через Дон на деревянных сваях, въездные ворота в усадьбу. Рисунки выполнены в наивной манере непрофессионала. Но при этом представляют историческую ценность для исследования и реконструкции села Новоживотинного и усадьбы Веневитиновых в середине XIX века. Например, изображенный им Архангельский храм позже был реконструирован, поэтому рисунок вдвойне ценен, так как запечатлел несохранившуюся архитектуру церкви[69].

Помимо карьеры и общественной жизни, хорошо также складывалась у него и семейная жизнь. Многие, знавшие супругов Веневитиновых, отмечали, что они были счастливы в браке. Аполлинария стала ему не только хорошей женой, но верной подругой, помощницей во всей его деятельности и способствовала карьере мужа, создавая надежный тыл.

Аполлинария Михайловна (15.10.1818–04.09.1884) происходила из рода графов Виельгорских. Ее отец — граф Михаил Юрьевич Виельгорский — русский музыкальный деятель и композитор-любитель польского происхождения. Женитьба на А.М. Виельгорской упрочила положение А.В. Веневитинова при дворе и ввела его в музыкальное общество Петербурга. После свадьбы молодые поселились в доме Виельгорских на Михайловской площади. По интересному стечению обстоятельств все дочери Виельгорских после выхода замуж продолжали жить со своими семействами в родительском доме, поэтому дом Виельгорских прозвали «Ноевым ковчегом». В 1844 году Михаил Виельгорский с братом Матвеем стали владельцами дома на углу Итальянской улицы. В этом доме впоследствии жили Алексей, Апполинария и их дети. У них родились три сына и дочь: Михаил (25.02.1844–14.09.1901), Владимир (06.04.1846–30.07.1885), Сергей (30.06.1853–21.09.1873), Мария (15.08.1850–26.09.1900)[70].

Если перефразировать А.П. Чехова, то про Алексея Владимировича Веневитинова можно сказать, что в нем было все прекрасно: его мысли, дела, человеческие и нравственные качества и хозяйственность. Бывая часто в служебных командировках, он наведывался в свои воронежские усадьбы. Даже на расстоянии его крепкая хозяйская рука ощущалась во всем.

Первый опыт в управлении он приобрел, побывав вместе с братом Дмитрием в принадлежащих им владениях в августе-сентябре 1824 года. Воронежское хозяйство А. Веневитинов получил в весьма расстроенном состоянии. С одной стороны, часть принадлежавших ему имений находилась в залоге еще с 90-х годов XVIII века, в 1824, 1826, 1828, 1838 годах были составлены свидетельства на имения, в которых были прописаны прежние залоги[71].

Предпринимал он попытки увеличить землевладение своей семьи за счет покупки в окрестностях села Староживотинного[72]. Также были проведены межевания земли с соседними владениями — например, в 1841 году произошло размежевание дач сел Староживотинное и Новоживотинное[73].

При нем была построена в 1843 году новая больница для крестьян, а также новый флигель, в дополнение к существующим. С середины 1840-х годов имение начинает преображаться, здесь в летний период гостят сыновья хозяина — Владимир и Михаил, которые, исполняя волю своего батюшки, приводят в порядок дела имения, упражняясь в своих хозяйственных способностях. Современный вид Новоживотинского имения — это результат совместной деятельности отца и сыновей. Со временем их имения превратились в крепкую хозяйственную экономию.

Все это ярко свидетельствует о разносторонности личности А.В. Веневитинова. К примеру, жизнь его брата, по словам друзей, была организована, *«как произведение поэтическое»:* он явился идеальным воплощением образа Поэта и сумел достичь этого идеала и в жизни, и в творчестве; М. Лермонтов, потрясенный ранней смертью Веневитинова, напишет «Эпитафию» с гипотетическими финальными строчками — «Он умер. Здесь его могила. Он не был создан для людей…»

А вот Алексей, напротив, был создан для людей и при жизни был уважаемым, авторитетным человеком. М. Погодин писал о Д. Веневитинове: «У Веневитинова теперь план… служить, выслуживаться, быть загадкой. Чтобы, наконец, выслужившись, занять значительное место и иметь значительный круг действий». Такие мысли посещали не только Дмитрия, но и других «архивных юношей», и в полной мере были воплощены А. Веневитиновым. В нем сочеталось творческое начало, хорошие организаторские способности, исполнительность и человечность.

* * *

Итак, трое известных представителей рода Веневитиновых, о которых шла речь, очень разные люди, но деятельность каждого из них значительна не только в масштабах своей семьи. Через их биографии можно проследить важные исторические события эпохи, они принимали участие во многих из них. Долг и честь всегда были для них на первом месте, может, поэтому их имена помнят до сих пор, а достижения ценят.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий — т.1. — СПб: издания А.С. Суворина, 1886. С. 174.

[2] Описание села Новоживотинного // Воронежские Епархиальные Ведомости, № 3 за 1871 год. Неофициальная часть. — С. 100–101.

[3] ГАВО, ф.И 29. Оп 125. Д. 30. Л. 2.

[4] Там же, лл. 7–8 об.
[5] Там же, лл. 9-11.
[6] ГАВО, ф. И-167. Оп. 1. Д. 3419. Л. 1–2.
[7] ГАВО ф. И-29. Оп. 125. Д. 30. Л. 24, 90.
[8] [Самбикин Д.И.] Указатель храмовых празднеств в Воронежской епархии. — Воронеж, 1885. — Вып. 3. С. 67–68.
[9] [Самбикин Д.И.] Указатель храмовых празднеств в Воронежской епархии. — Воронеж, 1884. — Вып. 1. С. 237–238.
[10] Попов П.А, Виноградова Е.А. Усадьбы Веневитиновых // Русские провинциальные усадьбы XVIII — начала XX века. — Издание 2-е, переработанное и дополненное. — Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2011. С. 86–88.
[11] Степанов В.П. Русское служилое дворянство 2-й пол. XVIII в. СПб: Академический проект, 2000. С. 80–85.
[12] ГАВО, ф. И-29. Оп. 125. Д. 30. Л.14.
[13] Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий — т.1. СПб: издания А.С. Суворина , 1886. С. 174.
[14] ГАВО, ф. И-29. Оп. 125. Д. 30. Л. 90.
[15] ГАВО, ф. И. 256 оп. 1 д. 131 Л. 1–2.
[16] Попов П.А, Виноградова Е.А. Указ. Соч. — С.79.
[17] Из путевых записок П.С. Шереметева / Публикация и предисловие Н.К. Квятковской и Е.П. Корчагиной // Подъём. — 1992. — № 11–12. С. 232.; Попов П.А., Виноградова Е.А. Указ. Соч. — С. 79.
[18] РНБ, ф. 542, № 868. Л. 1–2.
[19] РНБ, ф.542, № 870. Л. 1.
[20] Там же, л. 1 об — 2.
[21] Там же, л. 2 об.
[22] Дарья Борисовна Волкова, урожденная Веневитинова — дочь Бориса Фаддеевича Веневитинова, Моховатка досталась ей в приданое.
[23] РНБ, ф.542. Л. 2 об — 4 об.
[24] Хвощинский Д.Ф., прокурор Тамбовской губернии.
[25] Вероятно, встреча произошла в 1786–1788 гг., в период, когда Г.Р. Державин был наместником в Тамбове.
[26] ИРЛИ РАН, ф. 96. Оп 7. Д. 9. Л. 324.
[27] Там же, лл.325–326.
[28] ГАВО, ф. И 29. Оп. 125. Д. 30. Л.12–13.
[29] ГАВО, ф. И 29. Оп. 125. Д. 30. Л. 15–22 об., 24–25.
[30] ГАВО, ф. И 29. Оп. 125. Д. 30. Л. 27–29.
[31] ГАВО, ф. И 29. Оп 125. Д. 30. Л. 116.
[32] Начало «Общему Гербовнику дворянских родов Всероссийской Империи» (ОГ) было положено Указом императора Павла I. Всего в 1797–1917 гг. было сформировано и Высочайше утверждено 20 частей (томов) ОГ; в т.н. XXI том, кроме того, вошли гербы, утвержденные Сенатом при Временном правительстве в 1917 году. Только первые 10 частей ОГ были изданы до 1918 г. с черно-белыми иллюстрациями гербов, а части II и XI опубликованы в 2009 г. с оригинальными цветными иллюстрациями. Только части I–XI теперь доступны для всеобщего сведения. Оставшиеся части XII–XXI хранятся в единственном экземпляре в Российском Государственном Историческом Архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге. Общий гербовник дворянских родов Российской империи с. 87// http://gerbovnik.ru/arms/537.html.
[33] ГАВО, ф. И 29. Оп. 125. Д. 30. Л. 90.
[34] ГАВО, ф. И 29. Оп. 125. Д. 30. Л. 30, 30 об, 32, 32 об.
[35] Акиньшин А., Ласунский О. Воронежское дворянство в лицах и судьбах. Историко-генеалогические очерки с приложением Перечня дворянских родов Воронежской губернии. Воронеж: «Петровский сквер», 1994. С. 7.
[36] ГАВО, ф. И 167. Оп. 1. Д. 3587. Л. 28-37, И 167. Оп. 1. Д. 3392. Л. 8-15, И 167. Оп. 1. Д. 3368. Л. 14–15.
[37] Чернышов М.А. В душе неразгаданной думы тая. Саратов: ИИЦ ГКПО «Заволжье», 1992. С.8.
[38] РГБ, ф. 48. П. 55, № 62.

[39] Архив ГИОИКН ВО, Д. 108–11–4–2–2328П–4. Л. 2.

[40] Веневитинов Д.В. Спокойно дни мои цвели в долине жизни… Стихотворения. Письма из деревни. — Москва: Белый город, 2013 — С. 140.

[41] Рассказ простой женщины о 1812 годе//Русский архив. 1872. — № 6. С. 54–63.

[42] Там же.

[43] Кириллов А. Веневитиновы в войне 1812 года // Русское поле / http://podyom.ruspole.info/node/4283.

[44] http://revosvet.ru/zip48mnukyc/ Список похороненных в некрополе Донского монастыря.

[45] http://trojza.blogspot.ru/2012/04/1812-200.html.

[46] Кириллов А. Веневитиновы в войне 1812 года // Русское поле / http://podyom.ruspole.info/node/4283.

[47] ГАВО, ф. И.29. Оп. 125. Д. 30. Л. 91–92.

[48] ГАВО, ф. И. 29. Оп. 125. Д. 30. Л. 91–92.

[49] Веневитинов Д.В. Стихотворения. Проза. /Издание подготовили Е.А. Маймин, М.А. Чернышев. Серия «Литературные памятники». М., «Наука», 1980.

[50] Русский Архив 1901 г. — № III. С. 381.

[51] ГАВО, ф. И. 29. Оп. 125. Д. 30. Л. 73–82.

[52] Модзалевский Б.Л. Примечания на письма А.С. Пушкина // http://pushkin.niv.ru/pushkin/pisma/modzalevskij/1831-1833-16.htm.

[53] Перевод с французского: «Веневитинов представил доклад о состоянии государственных имуществ Курской губернии. Император был поражен, и многие в курсе этого; он воскликнул, я не помню, кто мне сказал: я хочу познакомиться с ним и поговорить лично. Вот, карьеру сделал…»

[54] РГИА, ф. 469. Оп. 1. Д. 243. Л. 669–676.

[55] Модзалевский Б.Л. Примечания на письма А.С. Пушкина // http://pushkin.niv.ru/pushkin/pisma/modzalevskij/1831-1833-16.htm.

[56] ГАВО, ф. И. 29. Оп. 125. Д. 30. Л. 81–82.

[57] Верне О. При дворе Николая I. Письма из Петербурга. 1842–1843. М: Российская политическая энциклопедия, 2008. — С. 56.

[58] ГАВО, ф. И. 29. Оп. 125. Д. 30. Л. 31.

[59] ГАВО, ф. И 29. Оп. 125. Д. 30 Л. 73–82.

[60] Сочинения П.А. Плетнева, т. III — С.-Пб. 1885. С. 236; Русская старина. — 1904 г. — № 8. С. 441.

[61] Русская старина. — 1881 — № 8. С. 640.

[62] Головин К.Ф. Воспоминания - изд. 2, М.О. Вольфа, СПб., ч. I. С. 17–19, 64–71.

[63] ГАРФ, ф. 647. Оп. 1. Д. 128.

[64] РНБ, ф. 277. № 386, № 86; Есипов Григорий Васильевич — историк, литератор. Окончил в 1830 г. курс в СПб. университетском пансионе; служил в министерстве государственных имуществ, потом в межевой канцелярии; был председателем Рязанской гражданской палаты; в 1852 г. назначен производителем дел Высочайше утвержденной комиссии по делам опеки над детьми Великой княгини Марии Николаевны; в 1856 г. откомандирован к ее высочеству для занятий по благотворительным учреждениям, ей вверенным, а в 1864 г. причислен к министерству двора, где с 1882 г. заведует общим архивом.

[65] РГБ, архив Погодина, № 3518, «письма 1831 г.», л. 249; http://pushkin.niv.ru/pushkin/pisma/modzalevskij/1831-1833-20.htm.

[66] Н. П. Барсуков. «Жизнь и труды М.П. Погодина» в 22 т. — СПб.: типография Стасюкевича — 1890 — кн. III, С. 285–286.

[67] Русская старина. Т. 12. 1875 — С. 822–824.

[68] Русская старина. Т. 9. 1874 — С. 645–666

[69] Акиньшин А., Ласунский О. Воронежское дворянство в лицах и судьбах. Изд. 2-е переработанное и дополненное. — Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2009 — с. 15.

[70] ГАВО, ф. И 29. Оп. 125. Д. 30. Л. 84–88 об.

[71] ГАВО, ф. И 167. Оп. 1. Д. 3368; И 167. Оп. 1. Д. 3392; И 167. Оп. 1. Д. 3377.

[72] ГАВО, ф. И 167. Оп. 1. Д. 2939. Л. 1, 3.

[73] ГАВО, ф. И 24. Оп. 1. Д. 92.